

Во сне

Город спал. Темнота омывала красные черепичные крыши, гасила золотой свет в окнах и черной водой бежала по переулкам, наполняя их тишиной.

Полуночица любила это время. Особенно «час черных кошек» — с трех до четырех часов утра, самое темное и тихое время. Зимой было особенно темно и особенно тихо. Никто не заметил бы тень, скользящую по крышам.

Полуночица никуда не спешила, но двигалась быстро, низко пригибаясь, и ничем не выдавала своего присутствия. Когда-то, в первый раз выбравшись на крышу, она споткнулась, и отколотый кусок черепицы чуть не перебудил пол-улицы.

Это было очень давно.

На краю одной из крыш девушка остановилась. В доме напротив горел свет. Единственное освещенное окно блестело золотистым маревом. Наверное, свеча на подоконнике — за занавесками она не могла разглядеть точно. Девушка недовольно скривилась — хозяин давно должен был лечь спать. Впрочем, это не имело особого значения. Она подождет, пока он закончит дела. Приморская резиденция герра Хагана Хампельмана скоро должна была уснуть вслед за всем городом.

«Кошачий» час миновал. Она начала нервничать. Темнота, укрывающая город, все еще лежала плотным черным бархатом. Но в ней уже чувствовалась близость рассвета.

Плохо. Очень, очень плохо.

Перебравшись на крышу дома, за которым она следила, Полуночица свесилась через край, крепко держась за витую медную решетку. Сколько раз жандармы предупреждали этих ценителей прекрасного об опасности, которую сулили такие решетки? Сколько раз жандармы объясняли им, что это — находка для любого, кто захочет проникнуть в дом?

Мягко приземлившись на оконный выступ, Полуночица сняла перчатку и повела в воздухе ладонью. Занавеска за стеклом медленно поползла в сторону.

Это кухня. Огромная плита, широкий стол вдоль стены, множество посуды, горшки с зеленью на подоконнике. Девушка кивнула своим мыслям — кухня подходит. Вообще-то в их ремесле попадать в дома через кухни считалось излишне рискованным, потому что один медный ковш, упав со стены, был способен поставить на уши весь дом.

Но пускай кухонь бояться те, кто не сможет пройти по полоске свободного пространства в самой захламленной комнате так, чтобы не дрогнула ни одна пылинка.

Полуночица сложила руки в молитвенном жесте и представила, как обнимает ладонями замок на окне, почувствовала тяжесть прохладного металла и гладкость сухого дерева. Простая щеколда. Странно, новые механические замки поддавались проще, чем обычный металлический засов. И открывались тише. Жаль, хозяин этого дома не раскошелился.

Раздался тихий скрип.

«Ну да, конечно, зачем смазывать замки на окнах», — с раздражением подумала она и сама улыбнулась своим мыслям.

Все ее коллеги искренне возмущались, когда что-то в быту добропорядочных граждан мешало совершению преступлений.

Она приоткрыла окно и медленно поставила ногу на подоконник между горшками с зеленью. Спустившись на пол, она закрыла окно, вернув щеколду на место, и тщательно протерла ее лоскутком бархатной тряпки.

Механические птицы не поют

Внимание к деталям — первое, чему ей пришлось научиться. Никаких соприкосновений с кошками, цветами, свежей штукатуркой, красками и всем, что могло оставить след. Главным в работе было не выполнение задания — при малейшей опасности полагалось пренебречь заказом и передать его другому. Главной задачей было сделать так, чтобы присутствие чужака в доме осталось незамеченным.

За годы работы ей приходилось выполнять самые странные заказы. Людям, способным проникнуть в любой дом, платили не только за кражи и убийства. Могли попросить запомнить расположение вещей в комнате, могли заставить подкинуть какую-нибудь мелочь или отравить собаку. Однажды ей заплатили, чтобы узнать, какими духами пользуется одна высокопоставленная особа. В тот раз она даже в дом не полезла, потому что «Сек Манифик» пах так узнаваемо, что было достаточно на несколько секунд оказаться рядом с женщиной, которая его носила.

В этот раз ей не нужно было ни красть, ни рыться в чужих столах. Анонимный заказчик просил фотографию спящего мужчины, хозяина дома.

Только и всего. Девушка давно не задавала лишних вопросов. Чем меньше она знает о заказчике и его мотивах, тем проще ей будет врать на допросах в жандармерии, где она оказывалась не раз. И еще никому не удавалось поймать ее на лжи.

Выйдя из кухни в темный коридор, она остановилась и опустила на глаза плотно прилегающие очки. Именно они оказались самыми подходящими для ее целей. Их длинные окуляры вмещали до четырех сменных линз. Комбинация двух из них позволяла видеть в темноте и даже различать цвета, другая — служила для увеличения. Она давно хотела купить новые очки, с десятком линз, которые повышали четкость изображения даже в полной темноте или позволяли разглядеть микроскопический скол на грани драгоценного камня. Но каждый раз она откладывала покупку. Полуночица, как и большинство

ее коллег, была суеверна и считала, что вещи способны приносить удачу.

Она знала, что в доме есть дети, но, к счастью, прислуга убирала добросовестно, и на полу не было игрушек, которые приходилось бы тщательно обходить. Ей нужна была дверь в самом конце коридора. Свет в этой комнате уже не горел, и она очень надеялась, что хозяин успел уснуть. Горничная говорила, что герр Хампельман пьет снотворные капли и засыпает быстро.

Стоило ей сделать шаг к комнате, как за спиной раздалось глухое рычание. Девушка медленно обернулась.

Собака была огромная, поджарая, серебристо-серая, с брыластой мордой и маленькими красными глазами. Она шла к ней, настороженно ворча. Еще немного, и она перейдет от предупреждений к атаке.

Медленно, очень медленно Полуночница вытянула из кармана небольшой серебристый свисток. Она поднесла его к губам, и в тишине раздалась тихая, едва слышная трель. Для человека этот звук ничего не значил, даже если удавалось его услышать. Но собака остановилась, словно в замешательстве. Несколько секунд она постояла, а потом развернулась и бросилась к одной из дверей.

Не оставалось сомнений, какая из спален предназначалась для гостей.

Девушка не боялась, что собака зарычит. Ужас, который будила в животных крысиная флейта, иногда заставлял их замирать на целые часы. Они не решались ни рычать, ни скулить, ни даже щериться на невидимого врага. Правда, трогать животное в таком состоянии не рекомендовалось.

За дверью, где спал мужчина, которого она должна была сфотографировать, было тихо. Решившись, она приоткрыла дверь и тут же отступила в темноту. Из комнаты по-прежнему не раздавалось ни звука.

Открыв дверь чуть шире, она проскользнула в комнату. И остановилась в проходе.

«Какого...» — мелькнула паническая мысль. Впрочем, мысль глупая и бесполезная, потому что Полуночница отчетливо видела, какого.

Механические птицы не поют

Ее «объект» не спал. Он лежал на кровати, застеленной серым стеганым покрывалом, а его кровь еще стекала по кремовым обоям.

Убийцы не было — он не мог нигде спрятаться, значит, уже сбежал. Ну, или distinguished герр Хаган сам выстрелил себе в голову, что было тоже вполне вероятно.

Девушка не сразу обратила внимание на женщину, сидящую в кресле в углу комнаты. Женщина смотрела прямо на нее, приоткрыв рот, словно собираясь закричать. Кровь влажно блестела темным узором на мягкой серой ткани шерстяного платья и складах юбки. Над воротником на горле чернел глубокий разрез.

Думать было некогда. Полуночица закрыла правый глаз и протянула руку к окуляру. Она аккуратно сняла его с основы, убрала в карман. Достала из второго кармана другой и, опустившись на колени, быстро закрепила его на кожаной основе. Снимающий окуляр был тяжелым и неудобным, но позволял фотографировать, оставляя руки свободными.

Она подошла к кровати, склонилась над ней и замерла на несколько секунд, слушая тихие щелчки окуляра. Затем подошла к женщине и медленно обошла кресло по кругу.

Сделав снимки с нескольких ракурсов, девушка отошла к окну и задумалась. Из дома нужно было бежать — чем скорее, тем лучше. Заказ она выполнила, делать ей здесь больше нечего.

Вернуться тем же путем нельзя — собака преградила ей путь. Сейчас к ней не стоило приближаться. В измененном крысиной флейтой сознании любая мелочь могла показаться опасностью.

Значит, нужно было уходить через это окно. Но ей не требовалось даже притрагиваться к трупу, чтобы понять, что несколько минут назад герр Хаган был жив. Если бы она не медлила с собакой в коридоре, могла бы столкнуться с убийцей. Или стать свидетелем самоубийства. Странно, что она не слышала выстрела. Впрочем, в дом она проникла быстро и даже собака не сильно ее задержала, все могло случиться, пока она сидела на кры-

ше. Может, стоило поискать револьвер или нож, которым убили женщину, но она решила не тратить время — за расследование ей никто не платил.

Утром она успела осмотреть дом и помнила, что рядом со спальней есть лестница на второй этаж. Проще всего будет выбраться на крышу через одно из верхних окон и тихо уйти. Это была не самая опасная ситуация, в которую она попадала, но положение становилось все хуже с каждой минутой.

Кажется, на третьем этаже была детская. Хорошо, если так. Детей рано укладывают спать, да и спят они обычно крепко.

Ни одна ступенька не скрипнула, когда она поднималась. Дверь оказалась приоткрыта, а комната была освещена ночником с теплым желтым светом.

На этом удача ее покинула.

— Ты кто? — раздался за ее спиной детский голос, когда она уже залезла на подоконник.

Полуночица медленно обернулась.

Как не вовремя.

Девочка лет пяти, светловолосая, в белой сорочке, похожая на маленькое привидение, сидела на кровати и смотрела прямо на нее.

Однажды ей пришлось стрелять в нектати проснувшегося гостя. Но стрелять в ребенка она бы ни за что не стала.

— Мальчик-С-Фонарем! — загадочным шепотом ответила Полуночица и прыгнула. Уцепилась за крюк водостока и выбралась на крышу.

На горизонте уже забрехала золотистая полоска рассвета.

Оставалось не более получаса, чтобы успеть уйти в темноте, а потом в укромном месте сложить в спрятанную сумку всю амуницию, накинуть на комбинезон строгое шерстяное платье и превратиться из воровки и убийцы в добропорядочную горожанку. Серую мышку, на которую никто не обратит внимания.

Механические птицы не поют

Объектив со снимками лежал в кармане. Она еще не знала, что это, удачный предмет торга, опасные улики, от которых следует немедленно избавиться, или ее защита, но дважды проверила, чтобы объектив с фотографиями остался на месте. Но одно она знала наверняка: то, что произошло сегодня ночью, не было цепью случайных совпадений. И даже собака в коридоре оказалась не просто так.

А значит, серой мышкой придется побыть чуть дольше, чем обычно.

ПАБ «У МАДЛЕН»

Город умывался ледяной морской водой в первых лучах рассвета. Море толкало колеса и шестеренки электростанции. Электричество наполняло желтым светом лампы в домах и согревало воду в резервуарах, и в нем была частичка моря.

На волнах качались старомодные рыбацкие лодки, которым треугольник паруса заменял голограммы и моторы. Волны этого же моря бились о борта грузовых барж и механических кораблей, с рассветом выходящих из порта и еще спящих на пристанях.

Уолтеру всегда нравилось наблюдать за морем. Зеленоватое у берега, оно наполнялось золотом на рассвете, вскоре сменяя его на блеск стальной глади, голубеющей к горизонту. Этот градиент казался ему самым совершенным сочетанием цветов в мире. Он выбирал темно-зеленые пиджаки и жилеты, голубые шейные платки и серые двубортные шинели, которые отражали его привязанность к этим цветам. Уолтера завораживало вообще все, что было связано с ним. Может быть, поэтому он перебрался из туманной столицы в маленький город на берегу? Чтобы повсюду чувствовать прикосновение волн. Чтобы ветер пах солью, а не сгоревшим топливом. Чтобы стоять на берегу, улыбаясь волнам, и быть живым. А что для этого пришлось оставить позади — так ли это важно?

Механические птицы не поют

Город назывался Лигеплац — «пристань». Это слово значило для Уолтера нечто большее, чем просто место стоянки кораблей. Он очень надеялся, что этот город станет его домом. Город, пахнувший морем, такой живой и яркий, с его красными и бежевыми двухэтажными домиками, желтой тротуарной плиткой. С милой привычкой украшать оконные рамы резьбой, а подоконники — цветами, даже зимой видными за стеклом.

Часы на башне в порту пробили восемь. Уолтер нехотя отвернулся от воды и надел черные круглые очки. Он старался снимать их как можно реже, и пусть его часто принимали за слепца, зато никто не видел его недоброго, ядовитой зелени, взгляда. Ему и самому не нравилось встречать этот взгляд в зеркалах.

Не удержавшись и в последний раз за утро оглянувшись на волны уже через черные линзы, Уолтер быстрым шагом отправился прочь от берега.

Паб «У Мадлен» находился недалеко от порта, и Уолтер не помнил ни одного дня, когда бы он пустовал. Моряки с пришедших недавно судов, постояльцы нескольких комнат на втором этаже паба, случайные прохожие и туристы — здесь всегда было шумно, ярко и чаще всего весело.

Уолтер еще помнил, как два года назад, сойдя с корабля, он стоял посреди порта, одетый в черное пальто изысканного кроя, сковывающее движения. Он стоял и озирался по сторонам — прибывший в город столичный аристократ, еще не забывший о том, что нужно соблюдать всевозможные церемониалы и что воротнички на рубашках каждое утро должны быть накрахмалены так, чтобы о них можно было порезаться. Уолтер еще не сбросил маску презрительного высокомерия, а горящие восторгом глаза никто не видел за линзами очков.

А вокруг него кипела жизнь; настоящая, та жизнь, о которой раньше и не подозревал. Он стоял, сжимая ручку саквояжа, и разглядывал матросов, занятых погрузкой и разгрузкой кораблей, женщин в желтых

кружевных шарфах, призывно улыбавшихся каждому мужчине, с которым встречались взглядом. Здесь были торговцы, бдительно следящие за разгрузкой, угрюмые механики, подходившие к прибывшим, девушки в белых передниках, несущие к кораблям корзины с фруктами.

Одна из них подошла к нему и дернула за рукав:

— Груша, герр! Всего медяшка!

У нее было добродушное круглое лицо, густо усыпанное веснушками. Уолтеру, привыкшему к болезненно-бледным, изнеженным аристократкам, в первую секунду показалось, что девушка перед ним с какой-то другой планеты. Но потом он пригляделся к ее лучистым серым глазам и желто-рыжим лисьим косам и понял, что с другой планеты, скорее, он сам. Уолтер молча протянул девушке монетку и взял грушу, коснувшись ее теплых пальцев. Она хихикнула и, достав из корзины веточку вереска, заправила в петлицу его пальто, густо обсыпав пылью черной кашемир.

— Так-то, герр. Сходящие с кораблей всегда тоскуют по свежим фруктам, женским улыбкам и запаху вереска! А если вы тоскуете еще и по выпивке или комнату ищите — в пабе «У Мадлен» как раз есть свободный номер, — подмигнула ему девушка.

Позже он узнал, что девушка носила необычное имя — Василика — и была подавальщицей в пабе. Как и большинство девушек, которые по утрам продавали фрукты в портах, чтобы завлечь в свои заведения постояльцев.

Но в тот день Уолтер понял, что ничего не случается просто так. В тот же вечер он отдал портовому нищему свое пальто, за бесценок продал саквояж, сжег шейный платок в камине и купил себе шинель и гитару.

Неважно, кем он был в той, прошлой жизни. Главное, что и в этой, и в прошлой жизни он виртуозно играл. И сейчас был просто Уолтером, музыкантом в пабе «У Мадлен». И хотел им и оставаться.

Механические птицы не поют

А если он хотел оставаться просто музыкантом Уолтером, «У Мадлен» нужно было быть через пятнадцать минут, потому что Хенрик, хозяин заведения и бармен, просил его накануне самостоятельно открыть бар и заменить его за стойкой. Уолтер не возражал. Василика уже была на месте и принимала заказы на завтрак от нескольких проснувшихся постояльцев.

— Уолтер! Ты вовремя, эти чудесные господа заказали у меня целый галлон кофе! — она поставила поднос на пустой стол и помахала ему рукой.

— Неужели кого-то не бодрит твой щебет по утрам, милая? — улыбнулся он, снимая очки.

Василика, подойдя, звонко чмокнула его в щеку и проскользнула на кухню. Уолтер, вздохнув, встал за стойку и включил небольшую печку под медным подносом, полным песка.

Он помнил женщину, научившую его так варить кофе. Ее звали Атаро. Она служила в доме его отца, единственная горничная, вместо кружевных наколок носившая на голове яркий, красно-желтый тюрбан со своей родины. У нее была кожа цвета горького шоколада, самые белые глаза и зубы из всех, что он когда-либо видел, и самый громкий смех. Она говорила, что правильно сваренный кофе — особая магия, и если не разбудить живущих в порошке духов, можно выливать чашку на пол.

Уолтер улыбался, ставя в нагретый песок большие медные джезвы.

Здесь тоже любили кофе и умели ценить разбуженных духов.

— Уолтер, твою мать, я что, еще с вечера не протрезвела или я вижу твою сияющую рожу за этой стойкой с утра? — прохрипела высокая черноволосая женщина, усаживаясь на высокий стул.

— Моя обожаемая Зэла, твой голос подобен пению райской птицы в ветвях цветущего персика ранним утром, когда... — с радостью включился он в их обычную игру.

— Ох, заткнись, ради всего святого, — мрачно сказала она.

— Как пожелает прекраснейшая фрау!

Зэла была бортовым механиком. Она часто нанималась на суда и уходила в многомесячные плавания, но, возвращаясь, всегда останавливалась в пабе «У Мадлен». После каждого плавания она по полгода занималась обслуживанием кораблей на верфях, не выходя в море, и страшно ругалась, поминая качку, ледяной ветер, раскаленные моторы, погнутые шестеренки, порванные ремни и сальные шуточки матросов.

А потом снова срывалась в плавание.

Уолтера, высокого, субличного, вечно растрепанного русоволосого музыканта с аристократическим прошлым, она сразу невзлюбила. Он, не задумываясь, подыграл ей, и она верила, что перед ней изнеженный мальчишка. Однако продлилось это ровно до тех пор, пока мальчишка не выпил при ней бутылку виски и не подрался с двумя матросами, уделявшими Василике слишком пристальное внимание.

То есть до вечера того же дня, как они познакомились.

Впрочем, Уолтер с удовольствием продолжал строить из себя трепетного юношу, превратив ошибку Зэлы в ежедневную беззловонную игру.

— Возьми, полегчает. Я капнул тебе в виски кофе, — подмигнул Уолтер, подвигая к ней высокий бокал.

— Спасибо. Не такой уж мерзкий все-таки, но как увижу твою лощеную мордашку, так и хочется сломать твой породистый носик в трех местах, — проворчала Зэла, которая привыкла общаться с матросами и других собеседников почти не знала.

С этой ее особенностью Уолтер вполне смирился.

— Слыхал, Полуночница вчера этого... Попечителя, как там его звали, герра, мать его, Хагана того, пришла, в общем. Вместе с его женой.

— Герра Хагана? Второго владельца «Механических пташек»? — брезгливо скривился Уолтер.

Механические птицы не поют

— Его самого, старого козла, туда ему и дорога. Все так убиваются, как же, благотворительность, попечитель каких-то сиротских приютов, поит бездомных котят сливочками. А сам выпускает этих, — с ненавистью выдохнула Зэла.

Уолтер молчал, разливая кофе по чашкам. Герр Хаган заявлял, что делал доброе дело, создавая механических кукол для работы в борделях. Уолтер знал только две сферы, где было разрешено использовать таких кукол, каждая из которых лицензировалась и проходила ежегодную сертификацию.

Это была сфера удовольствий и сфера ритуальных услуг.

Ненависть Зэлы вызывала первая. А особенно то, что многие из кукол герра Хагана, бывшего не только совладельцем фирмы, но и ее художником, имели облик несовершеннолетних девочек. Уолтеру тоже претила сама мысль о подобном, но он утешал себя, что тем, кто испытывает такие чувства, лучше удовлетворять их с «пташками», а не с живыми людьми,

Зэла подобных утешений не находила.

— Интересно, кому это он так насолил, что для него наняли Полуночицу? Удовольствие-то не из дешевых.

— Понятия не имею, только я бы ей сбор организовала на компенсацию расходов. Ну-ка, подлей мне еще.

— А откуда они вообще знают, что это Полуночица? Они же работают без свидетелей, — усомнился Уолтер, заменяя бокал новой чашкой кофе.

— Девочка видела. Дочка Хагана. Говорит, черная тень представилась Мальчиком-С-Фонарем.

— Ну тогда Полуночники не имеют никакого отношения к этому убийству. Разве ты не знаешь — Полуночица или не попала бы на глаза ребенку, или просто тихо придушила бы свидетеля.

— Полуночицы, наверное, разные бывают. Не знаю я, Уолтер. Только по мне лучше честные потаскухи в желтых шарфах, чем... А, пошло оно все.

Зэла залпом выпила обжигающий кофе и собиралась с размаха поставить чашку на стойку. Уолтер успел подставить под нее ладонь и улыбнулся Зэле:

— Милая, ты перебила половину нашей посуды. Нельзя ли меньше экспрессии?

— Зануда, — беззлобно буркнула она, все же ставя чашку рядом с его рукой.

— Ты давно видела Мию? — как бы невзначай спросил он.

— А, ты все со своей скрипачкой. Да, Хенрик что-то говорил о том, что пригласил ее в конце недели. А что, птенчик, ты уже охрип отдуваться один? Пальчики холемные от гитары болят? — хохотнула она.

— Ты жестокая женщина, Зэла.

— А как же райская птичка в цветущих лепестках персика?

— Разве птички не бывают жестокими? — улыбнулся Уолтер, разливая кофе по чашкам.

Хенрик пришел только к обеду. За это время Уолтер уже погасил обе печки и занялся пивом вместо кофе.

Хозяин паба «У Мадлен» с трудом протискивался в двери собственного заведения. Это был огненно-рыжий мужчина огромного роста. Он разменял уже шестой десяток, но возраст лишь начертил на его лице лишние морщины и запутал серебристые нити в волосах и бороде. Взгляд его желтых глаз не потерял своей пронизательности, зато обрел насмешливые искорки, свойственные тем, чья судьба складывалась нелегко.

— Как ты тут справляешься?

Голос Хенрика соответствовал его наружности — глубокий, раскатистый, словно далекий гром. Кто-то говорил, что голос похож на звериный рык, но Уолтеру казалось, что это недостаточно емкое сравнение.

Механические птицы не поют

— Неплохо, но помощь требуется, — улыбнулся он, выливая в узкий высокий бокал порцию черного тягучего ликера, перемешанного со льдом.

Хенрик усмехнулся и подошел к стойке. Механический протез он заказал себе несколько лет назад. Теперь его увечье было незаметно, и только царапины на светлых досках пола напоминали о том, что когда-то хозяин прохаживался по ним деревянной ногой, окованной по низу железом.

— Какие планы на вечер, Хенрик? Мне опять придется брэнчать палечку до закрытия?

Танец не просто так назывался «палькой». Слово «распалять» лучше всего описывало то, что начиналось сразу после первых аккордов.

— Может, и придется. Но ты не переживай, я пригласил нам на подмогу одну особу, желающую подзаработать.

— Я надеюсь, это будет не как в прошлый раз, когда ты обещал нам певицу, а привел какое-то очаровательное существо чуть выше табуретки. Ее ведь даже в пустом зале едва было бы слышно.

— Хочешь составить для паба культурную программу? Или, может, мне задуматься о том, стоит ли тебя держать с твоей палькой? — усмехнулся Хенрик, становясь за стойку.

Уолтер перепрыгнул ее, как ни в чем не бывало устроившись на одном из барных стульев по другую сторону стойки.

— Что вы, герр Хенрик! Я готов играть вам палечку и петь скабрзные песенки с утра до вечера, лишь бы не лишаться счастья изнутри созерцать ваше прекрасное заведение!

— И не вылететь из комнаты, которую у нас занимаешь.

— Именно так. Я боюсь, сердце мое не вынесло бы такого удара. Так кого ты там нашел?

— А, бортовая чародейка с пришедшего корабля. Хочет бесплатно переночевать.

— Бортовая чародейка? Это же злющие, дорого одетые тетки и даже на своих капитанов смотрят, будто те лишь грязь под их ногами, — усомнился Уолтер.

— А эта молоденькая совсем, ну, твоя, может, сверстница. Видно, еще не разобралась, как надо себя вести. И смешная такая, выглядеть пытается как шаманка с Северных Берегов, да ты и сам увидишь. Только я тамошних ведьм видал — они еще хуже наших чародеек, беловолосые все, белоглазые, будто в них крови вовсе нет, и взгляды у них... Как обведут черным глазища, так и думаешь, что такой колдовать-то не надо, она посмотрит и к месту приморозит.

— По мне, что одни, что другие, что третьи — неприятные особы, но в море без них соваться и правда нечего. Одна чародейка способна навести морок и увести от корабля левиафана, а ты знаешь, сколько они топят, — зевнув, ответил Уолтер.

— Плавали мы и без ваших чародеек, — ответил Хенрик, и взгляд его мечтательно затуманился.

— Зэла успела рассказать тебе про кончину ее обожаемого герра Хагана? — торопливо перевел тему Уолтер, пока Хенрик опять не завел шарманку о своем славном прошлом.

— Про кончину всеми обожаемого герра Хагана и фрау Марии мне прожужжали уши все мальчишки-газетчики. Хочу дождаться статьи в «Парнасе», эти хотя бы думают, что пишут. Представляешь, одна газетенка вообще накорябала, что фрау Марию собака загрызла.

— А откуда ты знаешь, может, и правда собака? — меланхолично спросил Уолтер, перегибаясь через стойку и снимая с остывшего песка джеззу.

— Так они фотографию трупа приложили, жандармскую. Что я, мало вскрытых глоток в своей жизни видел? Я и сам...

— Хенрик, — Уолтер поднял ладонь в предупреждающем жесте.

К стойке подошла Василика.